
СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.72:2

DOI: 10.17072/2078-7898/2020-3-486-493

МИГРАЦИЯ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ*Вукчевич Неманя**Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова*

Предметом исследования является взаимосвязь феномена религии и феномена миграции. Данная проблема присуща истории человеческого общества с древнейших времен и не потеряла актуальности до сих пор. Изучение последствий и перспектив этого сложного явления в современном обществе с точки зрения социологии не нашло широкого отражения в науке. Исследование роли религии в процессе миграции было реализовано в контексте анализа различных источников, синтеза, индукции, аналогии и абстрагирования. Рассмотрен блок как религиозных трактатов, художественных произведений и классических социологических трудов, так и работ зарубежных и российских авторов. Отмечено, что дискурс миграции в настоящее время перешел из географического и демографического в общественно-политический, а религия стала играть важную роль на всех этапах миграции: с точки зрения как неолиберального, так и гуманистического подхода. Целью работы является попытка описания места религиозного фактора в процессе миграции и ее логики и роли не только в межконфессиональных, но и во внутриконфессиональных отношениях. Результатом исследования стал вывод в том, что миграция является либо катализатором религиозных чувств и поведения, либо просто усилителем существующей религиозной идентичности мигрантов и повышает качество их религиозных чувств. В контексте исследования подчеркивается необходимость укрепления законодательных основ свободы вероисповедания, а также ставится вопрос о том, как далеко религиозные сообщества могут зайти в процессе продвижения определенных религиозных правил. В связи с этим миграции часто становятся вызовом для секулярного государства. В работе сделаны выводы о необходимости комплексного подхода к данной проблеме.

Ключевые слова: миграция, религия, государство, церковь.

MIGRATION AND RELIGIOUSNESS*Nemanja Vukcevic**Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*

The subject of the research is the relationship between the phenomena of religion and migrations. The problem of their interaction has been inherent in human society since the ancient times; this problem is relevant one in nova days too. The consequences and prospects of development of this complex phenomenon in contemporary society are not sufficiently examined in science yet, especially in Sociology. In the paper, the role of religion in migration processes is studied based on the analysis of various sources, synthesis, induction, analogy, and abstraction. In course of research were analyzed numerous religious treatises, fiction works and classical sociological works, as well as works by foreign and Russian contemporary academic authors. The paper notes that the migration discourse has now shifted from the geographic and demographic to the socio-political domain. Religion has begun to play an important role at all stages of migration, both from the perspective of neoliberal and humanistic approaches. The paper aims to identify the role of the religious factor in the migration process and the role and logic of migration not only in inter-faith but also in intra-faith relations. It is shown that migration either serves as a catalyst for reli-

gious feelings and behavior or it strengthens the existing religious identity of migrants and enhances the quality of their religious feelings. The study highlights the need to improve the legislative framework of religious freedom, but also raises the question of how far religious communities can go in the process of advancing religious practice. In this regard, migrations often become a challenge for a secular state. Therefore, it is concluded that only an integrated approach would contribute to solving this problem.

Keywords: migration, religiousness, state, church.

Введение

С известной долей уверенности мы можем сказать, что миграция и религиозность присущи самой человеческой природе. С тех пор как появились первые свидетельства существования людей и людских сообществ, имеют место и свидетельства их миграций. Например, уже в Библии, в Старом Завете и в Книге Бытия, говорится о сообществе первых людей — Адама и Евы, которые в наказание были изгнаны из райского сада [Библия, 1994]. Далее, исход народа Израиля под предводительством Моисея мы также можем рассматривать как форму миграции; еще в большей мере этот процесс иллюстрирует жизнеописание странствий Авраама. В Коране паломничество Мухаммеда из Мекки в Медину и его возвращение имеет ключевое значение для становления Ислама как религии, поэтому неудивительно, что именно паломничество (хадж) является одним из 5 столпов этой религии и одной из важнейших обязанностей каждого правоверного, которое носит миграционный характер [Коран, 2001]. В иудаизме миграции остаются обязательным элементом религиозной идентичности даже после формирования государства Израиль [Танах, 2016].

Один из, возможно, самых первых примеров подхода к рассмотрению религии с точки зрения социологии, где во главу угла ставится значение религии в процессе первоначального формирования групп, сообществ, а в конце концов и общества, мы находим у Эмиля Дюркгейма. Его труд «Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии», где он на основе анализа тотемических верований австралийских аборигенов разработал теорию о возникновении религиозных чувств и установок, доказывает, что религиозное сознание существует с тех пор, как мы можем говорить о человеческом сознании в целом [Дюркгейм Э., 2018]. Разрез пласта мифологических представлений культур, независимо развивавшихся по всему миру, дал бы нам кар-

тину, которая обязательно подразумевает наличие сверхсуществ, богов и полубогов, а также мотив поиска бессмертия, как это имеет место в одном из многочисленных подобных примеров — «Эпосе о Гильгамеше»: все эти мифологические представления, без сомнения, имеют и религиозный характер [Эпос о Гильгамеше, 2006]. Таким образом, и миграции, и религии являются неотделимыми атрибутами истории человека и человеческого общества с самого момента его становления и дальнейшего развития, говорим ли мы об истории цивилизаций или об истории идей. В современном прочтении эти идеи представлены, в частности, в работе Э.В. Королевой [Королева Э.В., 2008].

Соотношение миграционных процессов и религиозности мигрантов

Связь религии и миграции, по нашему мнению, имеет стабильную основу, однако в рамках исследования мы попытаемся рассмотреть ее с точки зрения социологической науки и понять, как данная взаимосвязь находит отражение в жизнедеятельности современного общества и с какими последствиями и перспективами мы можем в этом случае столкнуться (на примере процесса миграции). Такие утверждения лучше всего рассматривать с позиции «от противного». То есть мы не можем четко ответить, каким было бы состояние человека (и общества), если бы миграции и религиозность были исключены из его социологического кода, до тех пор, пока это не произошло (что в настоящий момент представляется невозможным).

По словам доктора международного права Анны-Мари Дюпре, в период с 1986 по 2004 гг. исполнявшей обязанности директора Службы по делам беженцев и мигрантов Федерации евангельских Церквей в Италии, а в период с 2003 по 2006 гг. являющейся Председателем Европейской церковной комиссии по делам мигрантов, в общей сложности более 20 лет занимающейся проблемой прав беженцев и мигрантов, которая и сама является беженцем,

«даже если мигранты потеряют все, что у них есть, у них останется их религиозный капитал» [Dupré A., 2008].

В связи с тем, что значимость понятий миграции и религии определяется их имманентностью и древностью, в фокусе нашего исследования вполне оправданно находится вопрос о том, есть ли непосредственная связь между этими феноменами. Тем более что дискурс миграций с устоявшегося демографического и географического плана в наше время постепенно перешел в политический дискурс, особенно после 11 сентября 2001 г., когда религиозный подход — за редкими исключениями — практически совсем был бесосновательно проигнорирован и недостаточно использован при изучении данных явлений.

Например, Жаклин Хаган и Хелен Росе Ибоу (Хьюстонский университет, США) отмечали, что религия играет важную роль во всех 6 фазах миграции, которые они определяют как принятие решения, подготовка к переезду, переезд, прибытие на новое место, организация жизни на новом месте, развитие межнациональных связей [Hagan J., Ebaugh H.R., 2003]. Представляется, что верны и их утверждения о том, что комбинации экономических переменных, как и особенности рынка труда, были использованы в неоклассических теориях, которые старались предвидеть миграционные движения, и это, по нашему мнению, им удалось. Такая точка зрения довольно очевидна и по своей сути представляет собой массив статистических данных, на основе которых могут быть сделаны достаточно достоверные выводы. Однако это только один из подходов, который, хотя он и освещает важные элементы, не показывает всю картину миграционного процесса. В противоположность такому неолиберальному подходу, необходимое равновесие достигается только за счет гуманистического метода, где религия как социально-психологический феномен становится весьма важной. По словам Ван Дийка, например, современные исследования Церкви Пятидесятницы (Гана) показывают, что будущие мигранты часто обращаются к исцеляющим и спасительным ритуалам в молитвенных лагерях в Гане в целях поиска спиритической защиты и помощи перед переездом [Van Dijk R.A., 1997].

Возможно, после вышесказанного можно было бы добавить, что неолиберальный подход указывает на причины или отвечает на вопрос «почему?», в то время как гуманистический подход, который интегрирует в том числе и религиозный взгляд, отвечает и на вопрос «как?». Религиозный фактор в миграционных процессах на самом деле имеет свою логику, т.к. эти процессы (особенно в случае принудительных миграций) вне зависимости от того, вызваны они локальными военными действиями или запредельным уровнем бедности, всегда очень рискованны и опасны: мы ежедневно видим сообщения в СМИ о летальных случаях, иногда о массовой гибели или арестах мигрантов, о злоупотреблении их тяжелым положением и других трагедиях. Общеизвестно, что в таких условиях, т.е. условиях опасности и огромных страданий, — не всегда, но часто — люди инстинктивно стремятся к религии. Обращение к религии изначально является одним из путей поиска решений проблем, вызванных миграцией [Crul M., Vermeulen H., 2003].

В данном контексте мы можем говорить о таком вопросе: является ли миграционный процесс катализатором религиозных чувств и поведения даже у тех, кто ранее не был верующим или членом церковного сообщества, или же он только усиливает уже существующее религиозное состояние у индивидов или групп? Мы уверены, что в большинстве случаев данный вопрос касается не только самих мигрантов, но и — опосредованно — их семей, родственников, брачных партнеров, а в некоторой степени и других членов сообщества, например, курьеров, которые осуществляют передачу информации и денег как в государстве, откуда приходят мигранты, так и в государстве, куда они направляются. Интересно, что молитвы и религиозные обряды в некоторых отправных пунктах не прекращаются и, когда миграционный процесс завершен, т.к. родственники мигрантов приносят их фотографии и вещи, над которыми осуществляют бдение вместе со священником.

Помимо данных психологических и духовных функций, церквям свойственна социологическая функция, которая выражена не только в приеме мигрантов, организации питания, жилья, а иногда даже финансовой помощи, но и в организации общественной жизни посредством ин-

тенсивных контактов с ранее прибывшими мигрантами и резидентами — все вместе это очень помогает приспособиться и освоиться до такой степени, что может привести к смене вероисповедания. Факт того, что многие приезжие католики-майя переходят в протестантизм Церкви Пятидесятницы вскоре после своего переезда говорит в пользу того, что религия бывает очень важна на начальной стадии переселения [Nagan J., Ebaugh H.R., 2003]. Изменение вероисповедания из-за тяжелых условий жизни не является новостью в исторической ретроспективе, но в этом случае, как мы считаем, данный феномен не следует рассматривать только лишь с точки зрения мигрантов. Наоборот, описываемые нами отношения взаимны, поэтому необходимо изучать миссионерские намерения любой церкви привлечь как можно больше прихожан, т.к. в условиях уменьшения участников других целевых групп мигранты становятся первостепенной аудиторией вне зависимости от того, понимают они это сами или нет.

Взаимосвязь тут проявляется и в религиозных практиках, особенно в принимающих мигрантов странах, где практики отличаются от тех, что приняты у самих мигрантов. По мнению Анны-Марии Дюпре, церковные организации должны стремиться к укреплению законодательных основ свободы вероисповедания. Необходимо уважать права религиозных меньшинств и тогда, когда они не являются христианами. В данном контексте возникают споры о всеобщих ценностях, акцентированные на вопросе о том, как далеко религиозные сообщества могут зайти в процессе продвижения определенных религиозных правил, которые могут оказаться неприемлемыми с точки зрения основных ценностей сообщества принимающих стран [Dupré A., 2008]. В целом, данная проблема не нова: имеют место многочисленные примеры, иллюстрирующие, почему дело доходит до таких, как мы могли бы сказать, обоюдных религиозных коллизий. То, что стало бы тут столь необходимой инновацией, — это всеобъемлющие и долгосрочные решения, обоснованные глубоким погружением в теологические догматы, которые на уровне теологии кажутся невозможными, особенно, когда эти догматы практикуются на территории сосуществования различных конфессий. Миграции, однако, являются лакмусовой бумажкой не только для

оценки вызовов секулярному государству, превращающему религиозные вопросы в политические, но и для церкви, которая вне зависимости от своего желания политические вопросы превращает в теологические. При этом и государство, и церковь несут ответственность за возможность совместного существования людей, за цивилизацию и за существование человека. Так, А.А. Гридчин говорит о том, что, по сравнению с положением палестинцев в других ближневосточных государствах, в Ливане они находятся в наиболее бедственном положении и что во многом такая ситуация объясняется политикой официального Бейрута, который, желая не допустить ассимиляции палестинцев, ограничивает их социально-экономические и политические права [Гридчин А.А., 2008]. Получается «замкнутый круг»: при отказе от постулатов собственной веры принимаются практики другой веры ради благополучия мигрантов, а при отказывая мигрантам в праве на такое благополучие укрепляются собственные религиозные убеждения. Однако в общественных интересах все — от индивида, местных общин, государства, государственных объединений до глобального сообщества — должны быть достаточно ответственными; избегая обычных злоупотреблений (например, в политических компаниях, в которых «правые» движения привлекают дополнительные голоса избирателей), они могли сформировать новое общее знание и постулаты, которые исповедует большинство религий: мир во всем мире и любовь к ближним.

Дискуссия

Важно отметить, что религиозные отношения в контексте миграций носят не только интернациональный и межконфессиональный, но и внутриконфессиональный характер. Тем не менее, возможно, самой важной характеристикой религиозности мигрантов в институциональном смысле является то, что она всегда и везде инициирует светское (нерелигиозное) движение. Инициатива организации молитвенных собраний (молитвенных домов) в новой жизненной среде обычно идет снизу или, по крайней мере, поддерживается низами [Levitt P., 2003]. Другими словами, мигранты и самостоятельно формируют религиозные институты и практики в рамках своей религии, хотя достаточно про-

извольным образом. До такой степени произвольным, что это может привести к конфликту внутри самого религиозного сообщества, а определенный компромисс, к которому, как правило, позднее это сообщество приходит, должен включать в себя — по крайней мере, до определенной степени — изменение всей религиозной жизни, например в части автономности собственной церкви или религиозной общины.

Комментируя данную ситуацию, Вернер Шиффер [Schiffauer W., 2006] приводит высказывание Пьера Бурдые, которое подтверждает тезис о том, что изменения в религиозной жизни носят не только институциональный, но и духовный характер: «Религиозная энергия часто проявляется более чистым и свободным образом — с такой большой силой, которая оставляет средний класс без слов. Это приводит к извержению, порожденному отчаянием, которое продолжается на основе дикого энтузиазма» [Бурдые П., 2005]. Имеет особое значение вопрос о том, является ли преждевременным вывод, что миграционные процессы способствуют повышению качества религиозных чувств, не смотря на то, что они нарушают иерархию и практику религиозных институтов собственных стран происхождения, или, если мы придерживаемся более крайних позиций и говорим политически некорректно, может быть, именно поэтому?

А.А. Гридчин утверждает, что в то время как отдельные специалисты ищут способы улучшить качество сотрудничества гуманитарных организаций, другие сосредотачиваются на совершенствовании международного права, которое регламентирует порядок реализации данной деятельности, причем и одни, и другие сходятся в оценке глобального характера данной проблемы, подходы к решению которой должны быть конструктивны и учитывать все аспекты ситуации [Gritčín A.A., 2011]. Невозможно охватить все случаи взаимоотношений религий и миграций, отчасти потому, что они не задокументированы. Но тут возникает вопрос о том, как именно можно «документировать» случаи дисконтинуитета религиозного поведения среди различных поколений мигрантов. Как мы уже говорили выше, это возможно посредством самого принятия решения и начала процесса переезда; в некоторых окружениях роль религии в наибольшей мере состоит имен-

но в том, чтобы утешить и приободрить человека. До такой степени, что священник при коммуникациях с Богом определяет, является ли данный момент подходящим, и, что в любой момент он может остановить весь процесс, участвуя во всех его этапах и координируя представителей всех поколений в семье (таков, например, случай с миграцией майя (Южная Америка) в Хьюстон (США)). В Европе часто первое поколение мигрантов находится в дисконтинуитете относительно религиозных традиций со своими потомками, которые, будучи рожденными в новой стране, естественным образом перенимают язык, культурологический код и практики секулярного государства. Об этом, в частности, говорят такие современные исследователи, как Е.Л. Могильчак [Могильчак Е.Л., 2019], Г.И. Гаджимурадова [Гаджимурадова Г.И., 2017, 2018], а также Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, М.Н. Храмова [Осипов Г.В. и др., 2016]. Но возможна и полностью противоположная ситуация, когда новые поколения мигрантов, рожденные и получившие образование в новой стране, демонстрируют исключительную коллизию с секулярной средой своего существования (в отличие от своих родителей) и используют именно религию не только как «*differentia specifica*» и щит, но и как оружие против этой среды. Возможно, это один из тех случаев, где мы можем ясно увидеть все положительные стороны индивидуализма, особенно в части стремления индивида к духовному поиску и духовному самосовершенствованию, в отличие от коллективного требования социальных изменений, которое по определению носит конфликтный характер, вне зависимости от того, оправдан он или нет и приводит ли он к политическим последствиям, — хотя в любом случае не приводит к последствиям духовным.

Заключение

Соотношение религии и миграции обусловлено их сложностью и взаимосвязанностью; также мы можем сказать о том, что они всегда были присущи человеческому роду. Нами была рассмотрена сложная взаимосвязь феномена религии и феномена миграции, присущая истории человеческого общества с древнейших времен по настоящее время. Следует отметить, что анализ немногочисленных современных работ в данной области выявил необходимость и це-

лесообразность проведения будущих исследований. Несмотря на наличие в работах современных авторов привычного нам восприятия миграций с демографической или актуальной политической точки зрения, мы смогли отметить определенные факты, указывающие на взаимное влияние институтов религий и процесса миграции.

Религия влияет на миграционный процесс на всех его фазах, и это влияние имеет не только социологический (за счет своих институтов и привлечения духовных лиц), но и психологический характер (за счет религиозных обрядов и психологической поддержки мигрантов). Взаимосвязь феноменов миграции и религии носит международный характер и проявляется на внутринациональном уровне: как в институциональных изменениях, так и духовных явлениях. В противовес очевидному глобальному характеру миграции мы отметили наличие локальных религиозных последствий и в узком семейном кругу, и в диалоге поколений. Религиозный аспект также влияет на ассимиляцию мигрантов в новой стране, при этом степень влияния зависит от того, отличается доминирующая религия этой страны от собственной религии мигрантов или же речь идет о секулярном государстве.

Миграции влияют на религию посредством спонтанного миссионерского процесса и могут внести вклад в создание новых религиозных групп внутри одного религиозного сообщества. Вместе с тем они способны привести к изменениям в иерархии собственной религии мигрантов. Также миграционные процессы могут способствовать злоупотреблению религией в политических целях. Поэтому, необходимо тщательно исследовать взаимосвязь религии и миграции, имеющую особое гуманистическое значение с точки зрения социологической перспективы.

Список литературы

Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета: канонические. М., 1994. 298 с.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.

Гаджимурадова Г.И. Европейские мусульмане и мусульмане в Европе: рядом или вместе? // *Власть.* 2018. Т. 26, № 2. С. 60–63.

Гаджимурадова Г.И. Система европейских и исламских ценностей в контексте миграции мусульман в Европу // *Власть.* 2017. Т. 25, № 11. С. 177–181.

Гриджин А.А. Демографические последствия локальных конфликтов // *Социальная экология в изменяющейся России и сопредельных государствах: теория и практика: материалы Междунар. науч.-практ. конференции (Белгород, 12–13 декабря 2008 г.).* Белгород, 2008. С. 129–131.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. В.В. Земсковой; под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с.

Коран / пер. И.Ю. Крачковского; предисл. П. Грязневича, В. Беляева. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 544 с.

Королева Э.В. Социальная роль религии в миграционных процессах в современной России // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.* 2008. № 2. С. 42–44.

Осипов Г.В., Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Гаджимурадова Г.И. Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия: монография. М.: Ин-т социально-политических исслед. РАН, 2016. 116 с.

Могильчак Е.Л. Религиозность мигрантов из Центральной Азии в условиях крупного города // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.* 2019. Вып. 4. С. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>

Танах (Тора, Пророки, Писания) (на иврите и русском языке). Иерусалим: Яхад, 2016. 791 с.

Энос о Гильгамеше («О все издавшем») / пер. с аккад. И.М. Дьяконова. СПб.: Наука, 2006. 221 с.

Crul M., Vermeulen H. The Second Generation in Europe // *International Migration Review.* 2003. Vol. 37, no. 4. P. 965–986. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00166.x>

Dupré A. Perspectives on Migration: What role does religion play in the migration process? // *Mozaik.* 2008. Spring. P. 7–11. URL: <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf> (accessed: 18.05.2020).

Gritčin A.A. Zadaci civilne policije mirovnih snaga UN u uslovima ekstremne migracije stanovništva // *Policijski glasnik.* 2011. Broj 11 (jun.). S. 10–11. URL: https://issuu.com/policijskoglasnik/docs/policijski_glasnik_broj_11 (accessed: 18.05.2020).

Hagan J., Ebaugh H.R. Calling upon the Sacred: Migrants' Use of Religion in the Migration Process // *International Migration Review*. 2003. Vol. 37, no. 4. P. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>

Levitt P. You Know, Abraham Was Really the First Immigrant?: Religion and Transnational Migration // *International Migration Review*. 2003. Vol. 37, no. 3. P. 847–873. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00160.x>

Schiffauer W. Migration and Religion. A Special Relationship // *Fikrun wa Fann / Art and Thought*. 2006. No. 83. P. 29–34. URL: <http://www.goethe.de/mmo/priv/1580463-STANDARD.pdf> (accessed: 18.05.2020).

Van Dijk R.A. From Camp to Emcompassment: Discourses on Transsubjectivity in the Ghanaian Pentecostal Diaspora // *Journal of Religion in Africa*. 1997. Vol. 27, iss. 2. P. 135–159. URL: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/9347/ASC_1267364_017.pdf?sequence=1 (accessed: 18.05.2020). DOI: <https://doi.org/10.2307/1581683>

Получено 17.07.2020

References

Bibliya. Knigi svyaschennogo pisanija vethogo i novogo zaveta: kanonicheskie [Bible] (1994). Moscow: Rossiyskoe Bibleyskoe Obschestvo Publ., 298 p.

Bourdieu, P. (2005). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva v 2 t* [Sociology of social space: in 2 vols]. Moscow: Institut Eksperimentalnoy Sotsiologii. Publ., Saint Petersburg: Aletyya Publ., 288 p.

Crul, M. and Vermeulen, H. (2003). The Second Generation in Europe. *International Migration Review*. Vol. 37, no. 4, pp. 965–986. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00166.x>

Dupré, A. (2008). Perspectives on migration: What role does religion play in the migration process? *Mozaik*. Spring, pp. 7–11. Available at: <http://www.koed.hu/mozaik20/annemarie.pdf> (accessed 18.05.2020).

Durkheim, E. (2018). *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The elementary forms of the religious life]. Moscow: Elementarnye Formy Publ., 808 p.

Dyakonov, I.M. (tr.) (2006). *Epos o Gil'gameshe* [Epic of Gilgamesh]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 221 p.

Gadzhimuradova, G.I. (2018). *Evropeyskie musul'mane i musul'mane v Evrope: ryadom ili vmeste?* [European Muslims and Muslims in Europe: side by side or together?]. *Vlast'* [The Authority]. Vol. 26, no. 2, pp. 60–63.

Gadzhimuradova, G.I. (2017). *Sistema evropeyskikh i islamskikh tsennostey v kontekste migratsii musul'man v Evropu* [The system of European and Islamic values in the context of the migration of Muslims to Europe]. *Vlast'* [The Authority]. Vol 25, no. 11, pp. 177–181.

Gridchin, A.A. (2008). *Demograficheskie posledstviya lokal'nykh konfliktov* [Demographic consequences of local conflicts]. *Sotsial'naya ekologiya v izmenyayusheysya Rossii i soprodel'nykh gosudarstvakh: teoriya i praktika: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii (Belgorod, 12–13 dekabrya 2008 g.)* [Social ecology in the changing Russia and neighboring states: theory and practice: proceedings of the International scientific-practical conferences (Belgorod, Dec. 12–13, 2008)]. Belgorod, pp. 129–131.

Gridchin, A.A. (2011). *Zadaci civilne policije mirovni snaga UN u uslovima ekstremne migracije stanovništva* [Tasks of the civilian police of the UN peacekeeping forces in the conditions of extreme migration of the population]. *Policijski glasnik* [The Policy Journal]. No. 11, pp. 10–11. Available at: https://issuu.com/policijskiglasnik/docs/policijski_glasnik_broj_11 (accessed 18.05.2020).

Hagan, J. and Ebaugh, H.R. (2003). Calling upon the sacred: Migrants' use of religion in the migration process. *International Migration Review*. No. 37, no. 4, pp. 1145–1162. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00173.x>

Koran (2001). [Quran]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 544 p.

Koroleva, E.V. (2008). *Sotsial'naya rol' religii v migratsionnykh protsessakh v sovremennoy Rossii* [The social role of religion in migration processes in modern Russia]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East]. No. 2, pp. 42–44.

Levitt, P. (2003). You know, Abraham was really the first immigrant?: Religion and transnational migration. *International Migration Review*. Vol. 37, no. 3, pp. 847–873. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2003.tb00160.x>

Mogilchak, E.L. (2019). *Religioznost' migrantov iz Tsentral'noy Azii v usloviyakh krupnogo goroda* [Religiousness of migrants from Central Asian in a large city]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filoso-*

fia. Psikhologiya. Sotsiologiya [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 620–631. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-620-631>

Osipov, G.V., Ryazantsev, S.V., Khramova, M.N. and Gadzhimuradova, G.I. (2016). *Migratsionnyy krizis i formirovanie musul'manskikh obschin v Evrope: tendentsii i posledstviya* [The migration crisis and the formation of Muslim communities in Europe: trends and consequences]. Moscow: ISPR RAS Publ., 116 p.

Schiffauer, W. (2006). Migration and religion a special relationship. *Fikrun wa Fann / Art and Thought*. No. 83, pp. 29–34. Available at:

<http://www.goethe.de/mmo/priv/1580463-STANDARD.pdf> (accessed 18.05.2020).

Tanakh (Tora, Proroki, Pisaniya) (2016). [Tanakh (disambiguation)]. Jerusalem: Yahad, 791 p.

Van Dijk, R.A. (1997). From camp to emcompassment: Discourses on transsubjectivity in the Ghanaian Pentecostal Diaspora. *Journal of Religion in Africa*. Vol. 27, iss. 2, pp. 135–159. Available at: https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/9347/ASC_1267364_017.pdf?sequence=1 (accessed 18.05.2020). DOI: <https://doi.org/10.2307/1581683>

Received 17.07.2020

Об авторе

Вукчевич Неманя

аспирант кафедры социологии и управления

Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова,
308012, Белгород, ул. Костюкова, 46;
e-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-3888>

About the author

Nemanja Vukcevic

Ph.D. Student of the Department
of Sociology and Management

Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov,
46, Kostyukov st., Belgorod, 308012, Russia;
e-mail: nemanja.vukcevic75@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3682-3888>

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вукчевич Н. Миграция и религиозность // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 3. С. 486–493. DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-486-493](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-486-493)

For citation:

Vukcevic N. [Migration and religiousness]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2020, issue 3, pp. 486–493 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2020-3-486-493](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-3-486-493)